

*Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Делегация Европейского Союза в Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Национальный парк «Кенозерский»
Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества»
Некоммерческий фонд поддержки культуры, науки, образования
и здравоохранения «Вольное дело»*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011

Человек и среда: гармония и противоречия

Сборник материалов
V Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск
2012

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)
ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431
К35

Ответственный редактор – Е.Ф. Шатковская
Составитель – М.Н. Мелютина

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

К35 Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Северодвинск, 2012. – 402 с. ISBN 978-5903625-14-7

Сборник содержит материалы V Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2011» (18–23 августа 2011 г.), посвященной 20-летию Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.). Авторы из ведущих университетов, музеев, научных и исследовательских центров России, Норвегии и Финляндии представляют новые исследования, связанные с проблематикой изучения, сохранения и использования объектов природного и историко-культурного наследия Русского Севера и уникальной его части – Кенозерья. Представлены экспедиционные и архивные фотографии. Опубликованы материалы участников конференции, на практике занимающихся сохранением и интерпретацией наследия Европейского Севера.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся природным и культурным наследием Русского Севера.

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)
ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я 431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, а также
Некоммерческого фонда поддержки культуры, науки, образования
и здравоохранения «Вольное дело»*

ISBN 978-5903625-14-7 © ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2012
© Мелютина М.Н., составление, 2012
© Авторы текстов, фотографий, 2012
© ЗАО НП «Партнер», 2012

*Е.Ф. Шатковская
(г. Архангельск)*

Настоящее и будущее нашего прошлого

В 2011 г. Кенозерскому национальному парку исполнилось 20 лет. К этой дате была приурочена Международная научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2011», состоявшаяся в августе на территории Плесецкого и Каргопольского секторов Парка при финансовой поддержке Европейского Союза.

Что такое 20 лет? В масштабах времени – ничто, а в масштабах человеческой жизни 20 лет – это уже история. Поэтому для нас, сотрудников Парка, участников этой истории – эта дата, прежде всего, повод оглянуться назад, вспомнить людей, события, оценить сделанное, и, опираясь на прошлый опыт, двигаться дальше. Но современной истории Парка предшествовала другая, и если бы не работали здесь ученые в различных областях знаний, начиная со второй половины XIX в., то, как знать, как бы сложилась судьба этого удивительного мира. Историю делают люди, и моя вступительная статья в большей степени о них.

С середины XIX в. Кенозерье стало объектом исследований известных ученых различных областей знаний. Первым российским этнографом, узнавшим о бытовании эпических песен на Кенозере, был Павел Николаевич Рыбников (1831–1885). В 1860 г., «узнавая чутьем местность и людей», он собирал былины в деревнях Кенозерья. Именно П.Н. Рыбников впервые опубликовал записи былин от Ивана Павловича Сивцева. После этого имя Поромского старца навсегда вошло в историю русского эпоса. В 1871 г. русские ученые Иван Степанович Поляков (1847–1887) и Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) отправились на Кенозеро, где Полякову удалось, как сообщал он в одном из писем, «открыть значительные следы каменного периода», а Гильфердингу записать от местных жителей более 80 былин. Результатом этой поездки стал сборник «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом в 1871 году» (1873). «...Здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное...»¹ – эти слова, принадлежащие Гильфердингу, являются сегодня нашим девизом. Повсеместное широкое бытование эпических произведений на Кенозере в отличие от Заонежья позволило Гильфердингу назвать Кенозеро «Исландией русского эпоса»². В 1887 г. этнографы брат и сестра Вера Николаевна (1866–1931) и Николай Николаевич Харузины (1865–1900) провели обширные исследования народных обычаев, изучали особенности дохристианских верований на Кенозере, формирование сложного религиозного сознания кенозерского крестьянина. Карп Андреевич Докучаев-Басков (1849–1916) известный как исследователь северных обитателей, в том числе существовавших на территории Кенозерья, опубликовал жития их основателей и монастырские документы XVI–XVIII вв.

© Шатковская Е.Ф., 2012

Л.П. Тарасенко
(г. Москва)

К истории почитания преподобного Макария Унженского и Желтоводского в XVI – первых десятилетиях XVII века

Как известно, немало подвижников благочестия почиталось задолго до официальной канонизации. У каждого святого этот начальный этап почитания имел свои отличительные особенности, но, выявить их не просто, так как нередко о доканонизационном периоде нет достоверной информации, сохранилось лишь благочестивое предание. Традиционно за причислением к лику святых следует написание иконы, создание жития и службы. Изображение подвижника на иконе с нимбом, как правило, интерпретируется как созданное уже после канонизации. Но сохранившиеся литературные и документальные источники, позволяющие реконструировать историю почитания преп. Макария Желтоводского и Унженского, в период, предшествующий причислению его к лику святых, показывают, что иконы, житие и служба святому появились значительно раньше официальной канонизации, а почитание еще в XVI веке вышло далеко за пределы Унженского монастыря.

Житие преподобного сохранилось в нескольких редакциях, древнейшая из которых включает, помимо жития, десять чудес. Она датируется исследователями серединой XVI века¹. Корпус сохранившихся рукописей краткой редакции жития (в количестве не менее 25 списков) датируется XVII–XVIII веками. Нам удалось выявить два наиболее древних списка этой редакции, относящихся к последней трети XVI века и к рубежу XVI и XVII веков², то есть к доканонизационному периоду почитания.

Н.В. Поньрко было высказано осторожное предположение о существовании протографа краткой редакции без посмертных чудес³. Мнение было основано на существовании двух списков, где прижизненное чудо святого о дочери Феодора включается в текст жития до преставления святого. Предположение было поддержано Д.Р. Ерофеевым, указавшим на существование еще одного аналогичного списка. К спискам «протографа»⁴ мы можем добавить еще три рукописи⁵. Распространенность такого варианта Жития подтверждает предположение о существовании протографа. Это, в свою очередь, говорит о том, что история текста жития и его распространения началась еще до середины XVI века, когда сформировалась краткая редакция.

Житие преп. Макария дает интересный материал для реконструкции начального этапа почитания. В двух чудесах краткой редакции отразились особенности политической ситуации в России первой половины XVI века, когда на территорию Поволжья регулярно вторгались татарские отряды, разоряя города и села, уводя в плен

сотни людей. В Чуде о граде Унжа, посвященном нападению татар на город в 1522 году, рассказывается о молитве во время осады города воеводы по имени Федор Супонев перед хранившимся в местном соборе образом преп. Макария⁶. Из контекста следует, что граждане Унжи многие годы почитали преподобного как своего помощника и избавителя, который «град той возлюби и к нему прииде и в нем же отдасть дух свой...». В соборе Унжи хранилась чтимая икона святого. Записей чудес Макария тогда еще, видимо, не было, так как горожане, согласно житию, обратились к воеводе с просьбой: «...о чудесех святого писанию предати...»⁷, что возможно и было сделано. Со временем записи об осаде 1522 года могли стать основой для текста Чуда о граде Унжа. Воевода Супонев – известная историческая личность, чье имя неоднократно встречается в Разрядных книгах 20–50-х годов XVI века, согласно которым Федор несет службу в костромских городах⁸.

Следующее чудо жития посвящено осаде города Соль Галичская в январе 1532 года. В нем упоминается чудотворная икона преп. Макария, хранящаяся в Успенском соборе. С этой иконой связывается избавление города от захватчиков. После избавления Солигалича от татар жители города «заложиша церковь во имя чудотворца Макария»⁹. Храм, посвященный святому, предполагает службы ему и иконы – местный и поклонный образы. Как известно, Служба святому, по началу, могла правиться по общей минее. Но с появлением храма, освященного во имя святого, должна была быть создана и специальная служба.

Для истории почитания святого важно, что житие позволяет говорить о том, что уже в первой половине XVI века в костромской земле существовали его храмы и бытовали иконы.

В Чуде о граде Унжа повествуется, о нападении на монастырь отделившегося от войска казанских татар отряда. Они хотели снять с церкви железный крест, приняв его за серебряный. Один из нападавших попытался подняться к кресту, но был чудом сброшен на землю. Другие, пришедшие грабить церковь, «начаша раку святого обоимати», то есть грабить, обдирать, но были поражены слепотою. Татары бежали из монастыря, «...иным варваром заповедающе ходити ко обители святаго». Из этого текста следует, что место погребения святого уже в первые десятилетия XVI века было уже отмечено особым образом. Возникает вопрос, что «обоимали» грабители? Рака преподобного должна была иметь, как минимум, традиционное убранство – шитый покров. В Житии не сообщается об иконах святого у гроба. Но образ основателя обители у раки должен был быть, тем более что традиция надгробных образов к этому времени существовала¹⁰. Образ мог иметь оклад, который и «обоимали» татары. Именно «гробная» икона преп. Макария Желтоводского и Унженского, хранившаяся после смерти основателя в монастыре на раке, должна была стать протографом унженского и солигаличского образов святого, первых упомянутых в житии икон, а также основным источником для иконографии преп. Макария.

Кроме двух «исторических» 1522 и 1532 годов чудес, следует выделить еще одно, давшее основание для датировки краткой редакции. В нем упоминаются две из-

вестные исторические личности – Иван Григорьевич Выродков и князь Семен Константинович Заболоцкий, имена которых помогают наметить дополнительные хронологические и географические вехи в распространении культа преп. Макария.

Это чудо об Иване Выродкове, «некоем от синглита», который незадолго до Казанского похода 1552 года исцелился от тяжелой «внутренней огненной болезни» в Макарьево-Унженском монастыре. Выродков – один из участников Казанского взятия и строительства Свияжской крепости, отчасти, видимо, военный инженер, постоянное действующее лицо Разрядных книг, где его имя встречается десятки раз¹¹. По документам середины – третьей четверти XVI века он все время в гуще событий. Исцеленный Иван Выродков делает вклад в монастырь – литургический набор из олова.

В Разрядных книгах неоднократно упоминается окольный князь Семен Константинович Заболоцкий. В чуде об Иване Выродкове Заболоцкий дает дьяку советы, что, судя по письменным источникам, вполне возможно: их пути должны были постоянно пересекаться. Кстати, сам князь Заболоцкий, также известный деятель эпохи Ивана Грозного, представитель семейства, члены которого служили в качестве воевод в разных городах России, а в 1540 году он сам служил в Нижнем Новгороде¹² и мог быть наслышан о местном святом.

Почти во всех чудесах жития упоминается гробница святого, к которой припадают, жажда исцеления, герои сюжетов. Это позволяет утверждать, что гробница в середине XVI века была оформлена в соответствии с традицией. Кстати, уже в первых чудесах отмечено и почитание в Унженском монастыре воды из кладезя, ископанного руками преп. Макария (об Иване Выродкове, о Марии из Чухломы).

Сведения, говорящие о создании Макарьевого храма до канонизации, есть в документальных источниках. Согласно вкладной записи в Кормчей, эта книга была вложена в 1571 году «в пресвятую обитель к святым страстотерпцам Христовым Флору и Лавру и преподобному отцу Макарию Унежскому и Желтоводскому чудотворцу...»¹³. Это говорит о том, что в монастыре к 1571 году уже имелся Макарьевский престол.

Неопубликованная монастырская опись 1613 года¹⁴ дает представление об убранстве Макарьевого храма в конце XVI – начале XVII века. Это был «холодной», полуразрушенный шатровый храм, простоявший, видимо, уже много десятилетий¹⁵. В храме было скромное убранство¹⁶. В описи указан один местный образ «Макария з деяниями на золоте»¹⁷. Рака чудотворца, скорее всего, стояла на южной стороне у алтаря, где было традиционное почетное место погребения, но в описи это специально не оговорено¹⁸. У гроба чудотворца «образ местной» чудотворца «на празелени стоячей, венец обложен серебром басмяна, ...»¹⁹. Приклады указывают на почитание образа: это единственная икона с крестами и цатами в Макарьевской церкви 1613 года. У гроба еще одна пядничная житийная икона чудотворца «на празелени»²⁰. Это говорит о развитой к началу XVII века иконографии святого.

Гроб преподобного имел несколько покровов²¹. В их числе лицевой покров²²,

возможно, произведение XVI века, так как отмечено, что золотом и серебром шиты только нимб (венец) и тропарь на кайме. Второй интересный покров – с вышитым крестом – это «данье государево» (вклад царя Михаила Феодоровича. – Л.Т.). Согласно описи 1613 года, «у чудотворца на престоле» была «книга служба и житие чудотворца Макария Желтовотцакого»²³. Кроме алтаря, закрытого небольшим трехъярусным иконостасом, и раки преп. Макария в храме более ничего не было. Небольшой деревянный храм представлял собой своего рода ковчег, реликварий, служивший задаче хранения мощей подвижника.

Важный материал дает опись вкладов в монастырь, зафиксированных в 1613 году. Именитых благотворителей, судя по монастырским книгам и описям, было не так много. Первый из них – царь Иван Грозный, который пожертвовал бумажные ризы с «червчатым» бархатным оплечьем, к 1613 году – ветхие. «Ризы полотенные камка червчата» были вложены Андреем Клешнинным²⁴, окольным царя Феодора Иоанновича, приверженцем Бориса Годунова, участником следствия по делу царевича Дмитрия в Угличе. В конце XVI – начале XVII века среди дарителей есть посадские люди, подьячие, представители духовенства из Унжи, Нижнего Новгорода и др. Так, архимандрит нижегородского Печерского монастыря Трифон (1595–1604)²⁵ пожаловал на Унжу Апостол московской печати.

При получении жалованных грамот, поставлении игуменов, передаче царских вкладов, иконы основателя монастыря должны были подноситься царю, митрополиту, представителям церковных и светских властей. Как мы видим, хотя он не был канонизирован на соборах середины XVI века, со второй половины XVI века преп. Макарий и основанная им обитель хорошо известны членам царской фамилии, боярам, высшему духовенству.

Очень интересные сведения в связи с этим есть в переписке патриарха Филарета с сыном: «Да в Макарьеже, Государь, житие написано про бывшего Московского митрополита Макария, что известно и ему было про Макарьево Желтоводцакого добродетельное житие...»²⁶. Это подтверждает известность преподобного в середине XVI века и, возможно, указывает на какую-то особую редакцию его жития, имевшую хождение в XVI веке и не сохранившуюся до нашего времени.

Подводя итоги распространения почитания святого до канонизации, укажем на города и села, где к началу XVII века, помимо Унжи и Солигалича, должны были быть макарьевские храмы. В древнем Галиче, бывшем наиболее крупным центром этого региона, не могло не быть с давних времен престола, посвященного преподобному. Этот город неоднократно упоминается в службе Макарию («Днесь град твой Галич тобою хвалится...», тропарь), да и сама служба святому, скорее всего, была написана именно здесь²⁷. В главном храме Галича, Спасо-Преображенском соборе (1774 г.), основание которого уходит в древнейшие времена, был придел, посвященный Макарию²⁸, хотя время основания этого престола не ясно.

В 1609 году, жителями с. Немда Костромской губернии Макарьевого уезда Коряковской волости был основан в благодарность за чудесное избавление от по-

ляков Макарьевский мужской монастырь²⁹.

В XVI – начале XVII века в Нижнем Новгороде, скорее всего, почитание преп. Макария было сосредоточено в местах его рождения и начальных монашеских подвигов. Древний Синодик Печерского монастыря, где святой принял постриг, – «Синодик Трифона» (1595 год – до конца XVIII века) содержит упоминание о Дионисии Суздальском и его учениках архимандрите Евфимии и преп. Макарии³⁰. Возможно, в XVI веке в Печерском монастыре были иконы Макария, но документальных сведений об этом не сохранилось. В начале столетия в нижегородской Мироносицкой церкви, в приходе которой Макарий родился, был Макарьевский придел³¹, а, следовательно, и иконы святого. Наиболее ранние сведения об иконах преп. Макария в Нижнем Новгороде относятся ко времени после канонизации. Согласно Сотной грамоте 1621 года «окладной» образ преп. Макария находился в ветхой Георгиевской церкви, стоящей «без пения», то есть икона была написана до канонизации³².

Издавна чтится икона св. Макария в Пурехе³³, о чем царю Михаилу Феодоровичу писал патриарх Филарет, узнавший об этом от князя Дмитрия Михайловича Пожарского. От этой иконы преп. Макария «в его князь Дмитриеве поместье в пурецкой волости чюдеса и исцеления многие годы»³⁴. Очевидно, что почитание святого было в этих краях еще задолго до его канонизации. Кстати, предки Д.М. Пожарского участвовали в Казанской компании Ивана Грозного и служили в Свияжске и Казани в 1560-е годы³⁵. Встречи нижегородских князей Пожарских с Иваном Выродковым были вполне возможны, так же как и их знакомство с историей исцеления в Макарьевской обители у гроба нижегородского уроженца.

Таким образом, для XVI века и самых первых лет XVII века определяется несколько храмов, посвященных Макарию, довольно-таки значительное число церквей, где, несомненно, были образы преподобного, а также круг лиц, которые могли иметь его иконы. Безусловно, бытовали и книги с Житием и Службой святому, хотя выявлены всего две рукописи доканонизационного периода. Уже до общероссийского прославления география почитания преподобного была широка, чему трудно найти аналогии, хотя сам факт длительного существования местного культа святого, как уже отмечалось, до официальной канонизации нередок³⁶.

К 1619 году закончилась Смута, к власти пришла новая царская династия. Как это бывало и раньше, ключевые моменты Смутного времени были отражены в посвящениях храмов, возводившихся вскоре после его окончания³⁷.

Нижегородско-костромской культ преп. Макария Желтоводского и Унженского приобрел после Смуты исключительную важность. Из местнотимого подвижника преп. Макарий стал одним из особо чтимых Царской фамилией святых. Это была первая канонизация новой династии; был создан еще один поистине царский культ, внимание к которому исходило, прежде всего, от самого Патриарха.

Во время пребывания в польском плену Филарета Никитича юным Михаилом был дан обет о паломничестве в Унженскую обитель к чудотворцу, где, согласно преданию, он побывал с матерью во время Смуты. Спасение от плена Филарета

Никитича во многом связывалась именно с помощью преп. Макария. В конце лета 1619 года молодой царь отправляется в паломничество к русским святыням³⁸. Как раз во время этого паломничества преп. Макарий был причислен Русской Церковью к лику святых. Письма патриарха Филарета служат главным документом, свидетельствующим о времени общерусской канонизации преподобного: «...по нашему общему духовному совету о Святем Дусе, проповедати дела Божия преславно есть, и угоднику его, преподобному отцу Макарию, честь воздаяти такожь, якожь и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ»³⁹. Таким образом, незадолго до 3 сентября – дня отправки процитированного письма – произошла канонизация святого («общий духовный совет о Святем Дусе»). В письме от 3 сентября 1619 года Патриарх рассказывает об освидетельствовании исцеленных унженским святым, которых насчитывается семьдесят четыре человека.

Официальная канонизация святого в 1619 году стала мощным стимулом к дальнейшему развитию его культа.

После посещения Унженского монастыря царем Михаилом Феодоровичем положение монастыря меняется. Неопубликованная опись 1624 года, содержащая исключительно интересную информацию, позволяет реконструировать убранство храмов обители, гробницы ее основателя, иконографию ранних икон преподобного через пять лет после канонизации, а также увидеть разительные перемены в благосостоянии монастыря, и, главное, явные знаки резко возросшей популярности святого⁴⁰.

При игумене Зосиме в 1614 году над гробом чудотворца был построен новый деревянный холодный храм с приделами во имя Благовещения и свв. Бориса и Глеба. В новом Макарьевском храме икон преподобного стало больше, чем в 1613 году, но указания на характер фона отсутствуют: все иконы покрыты окладами. В храме в это время уже семь разнообразных по композиции икон основателя. В местном ряду образ Макария со многими прикладами, в том числе с двумя иконками под хрусталем⁴¹. Такого рода предметы, как правило, заказные и очень дорогие, появляются в XIV веке⁴². Если в описи 1613 года было указано, что местной иконой храма была житийная, то эта опись заставляет предположить, что в это время местный образ был без житийного цикла.

Главным сокровищем монастыря, его сакральным центром была цельбоносная рака преп. Макария, изливающая «велия чюдеса». К ней стекались паломники и приносились благодарственные дары, около нее возносились молитвы жаждущих исцеления. Устройству и украшению реликвий традиционно придавалось большое значение. Новый храм игумена Зосимы соответствовал этим задачам.

У гроба в киоте помещены крупные («семи пядей») «местные» образа. Среди них «Троица Живоначальная, а к ней молящеся пр(епо)добный Макарий Желтоводский да пр(епо)добный Макарий Египтянин». Скорее всего, на этой иконе были представлены двое соименных святых в молении «Троице Ветхозаветной», помещенной над ними в небесном сегменте. Подобные изображения нередки в патро-

нальных образах, они характерны и для надгробных икон⁴³. Известно, что 19 января, на день преп. Макария Египетского, в Солигаличе проходили торжественные все-народные празднования Макарию Унженскому в память чуда 1532 года, состоявшегося 19 января⁴⁴, а в одном из толковых иконописных подлинников даже память преподобного указывается на 19 января, на день памяти Макария Египетского, а не на 25 июля⁴⁵.

Эта икона обложена серебряной басмой, украшена семью венцами разного размера, серебряной цатой. Часть прикладов (20 цат золоченых и 42 золотых) хранилась на подушечке около образа. Далее идет перечисление огромного количества прикладов – крестов, в том числе с мощами, колец, цат, монет⁴⁶. Денежные приклады – это 400 серебряных золоченых копейки, пять московок серебряных золоченых и др. Позолоченные монеты традиционно являлись предметом украшения икон⁴⁷. Многие из них попали к своим первым владельцам как войсковые награды⁴⁸, а затем были вложены в монастырь. Среди перечисленных в описи монет есть очень редкая – так называемый «корабельный»⁴⁹. Это английская золотая монета большого веса, на которой с одной стороны изображен корабль. На Руси они нередко служили наградами высшему командному составу за воинские победы, использовались в качестве денежных даров⁵⁰. Отдельно описан значительно меньший приклад к образу преп. Макария Египетского, изображенного на этой же иконе⁵¹.

В описи упомянут один «старый образ» Макария с серебряным басменным окладом, с серебряным резным золоченым венцом, с серебряной басменной золоченой цатой, украшенной камнями. У образа множество привесов в виде цат, монет разного достоинства, крестов.

О «гробовой» иконе преподобного написано: «Да на раке чудотворца образ чудотворца Макария обложен серебром, басмен, с трубами, венец серебрян сканой золочен, подпись серебряная резная, над нимъ Троица во облацех, венцы сканные, золочены»⁵². У иконы не много прикладов, что заставляет предположить, что это новый образ.

В ризнице храма в 1624 году находилось три покров, но нет указания на лицевой покров.

В одном из приделов («у чудотворца Макария в пределах вверху») в деисусе, перенесенном из старого храма в новый, есть новописанные иконы, среди которых «Успение Богородицы с преп. Макарием» «на краске». Мы видим, что после официальной канонизации, иконы Макария стали включаться в деисусные чины⁵³. Это самое раннее упоминание деисусного образа святого в источниках и свидетельство его высокого положения в местном пантеоне – преподобный включается в один ряд с великими вселенскими святыми, выступает как сугубый молитвенник за унженскую братию и за всех обращающихся к нему.

В Троицком храме в 1624 году сохраняется старый образ Макария, но к нему были сделаны новые приклады, среди которых «цата серебряна резная золочена, а в ней два камени, на середине Макарей чудотворецъ резной»⁵⁴. Скорее всего, это

образ, выгравированный на серебряной цате. В монастыре имелись иконы с изображением преподобного и в других храмах. Иконографический состав этих икон отражал посвящение монастырских престолов.

В первые годы после канонизации по всей России начинают строиться храмы, посвященные Макарию Желтоводскому и Унженскому. Уже в 1618–1619 годах в самом центре Москвы в Чертолье возводится такой храм⁵⁵. В Ярославле в 1620–1621 годах строится первая посадская каменная церковь – храм Николы Надеина с приделом преп. Макария Унженского. Примерно в это же время в Костроме возводится церковь Успения близ Волги с приделом «Макарья Желтовоцкого Унженского чудотворца»⁵⁶. При поддержке Михаила Феодоровича возобновляется Желтоводский монастырь (1620 год). В Пурехе князь Дмитрий Пожарский строит монастырь, в соборе которого были приделы Макария Желтоводского и Евфимия Суздальского⁵⁷.

Имя Макария Желтоводского было включено в Чиновник Московского Успенского собора под 25 июля в числе небольшого числа наиболее чтимых русских святых с указанием на торжественную службу⁵⁸. В 1636–1639 годах имя Макария в Чиновнике еще есть⁵⁹, позднее его имя выводится оттуда⁶⁰. Скорее всего, уменьшение количества святых происходит в 1656 году. В Служебнике этого года русских святых стало в половину меньше, чем в Служебнике 1655 года⁶¹.

В июльской Служебной минее, впервые изданной Московским Печатным Двором в 1629 году, уже есть Служба преп. Макарию, текст которой явно прошел редактирование и отличается от древнего. Показательно, что в каноне первоначальной службы преп. Макарий воспевается как «галичестей стране похвала и утверждение»⁶², а в новой редакции святой становится защитником «всей земли российской».

В 1630-е годы почитание преп. Макария распространяется в Каргополье, где он никогда не был, но становится одним из наиболее популярных местных святых. Центром макарьевского культа на Севере была Хергозерская пустынь, основанная в 1630-е годы – период служения на новгородской кафедре митрополита Афонии (1635–1648 гг.), давшего благословение на строительство. Пустынь стала местом хранения чудотворной иконы преп. Макария, что и определило характер местного почитания святого и жизнь обители на многие годы. В данном случае именно образ, принесенный на Хергозеро и прославившийся там как чудотворный, стал «субъектом» формирования культа, получавшего от иконы импульсы к развитию. Несколько позднее это нашло свое отражение в «Сказании о чудесехъ чудотворного образа преп. Макария Желтоводского и Унженского чудотворца иже есть в Каргопольских пределах в Хергозерской пустыни обретающихся», относящемся к 1660-м годам или несколько более позднему времени⁶³ и впервые опубликованном местным краеведом К.А. Докучаевым-Басковым в 1902 году. Текст «Сказания» не совсем ясно говорит о происхождении чудотворного образа. О создании некоего образа преп. Макария рассказывается в первом чуде «Сказания» 1633 года. В соответствии с ним священнику Троицкой Каргопольской церкви Герасиму было «сонное видение», во

время которого ошевенский игумен благословил его на заказ иконы преп. Макария для своего монастыря. Образ, написанный каргопольскими иконописцами, перенесли в обитель, поставили в церковь преп. Александра Ошевенского, где сразу от иконы начались чудеса. Дальнейший рассказ посвящен хергозерской иконе. О чудотворной монастырской иконе в «Сказании» больше не говорится. Отсюда напрашивается вывод, что отцы-основатели пришли на Хергозеро из Ошевенского монастыря с ошевенской иконой святого, ставшей со временем одной из наиболее чтимых местных святынь в Каргополье. Иная интерпретация «Сказания» предложена А.В. Пигиным⁶⁴. Народные представления отразились в версии о том, что икона была явлена⁶⁵.

Описание чудотворного образа в «Сказании» отсутствует, но благодаря публикации священника Хергозерского прихода Алексея Кипреева, посвященной иконе, мы можем отчасти реконструировать иконографию каргопольской святыни⁶⁶. Икона имела размеры 97,4 × 71 см. Небольшой средник, размером 30,8×26,4, вынимался (как пишет автор – «снимался»). В среднике был изображен преп. Макарий в храме «в молении о народе». На раме были клейма с житием преподобного: 1) «Рождество»; 2) «Обмен риз и поступление в монастырь»; 3) «Обретение отцом Иоанном сына своего преп. Макария в монастыре и целование его руки»; 4) «Уход на Желтое озеро и созидание там церкви, собиране братии»; 5) «Нападение варваров на Желтоводский монастырь и пленение преп. Макария»; 6) «Воевода варварский отпускает преп. Макария, похороны убиенных»; 7) «Уход на Унжу, обретение лося во время поста»; 8) «Обретение лося на день апостолов Петра и Павла»; 9) «Преп. Макарий ставит крест на Унже-реке»; 10) «Преставление преп. Макария»; 11) «Перенесение тела преподобного из г. Унжи в пустынь». Эта икона находилась во Введенской церкви, а в Троицком храме была аналогичная, но более поздняя, по мнению о. Алексия, чем во Введенском, икона.

Описание средника иконы, сделанное о. Алексеем (Кипреевым), кратко и совсем не ясно. Исходя из распространенных в это время вариантов изображений русских святых, на чудотворной иконе преп. Макарий, скорее всего, был представлен в молении, возможно, «Троице Ветхозаветной», на фоне храма. Так, на иконе Нила Столобенского XIX века преподобный изображен молящимся Спасителю в небесном сегменте. Монастырь на фоне написан компактно, как единый объем, и создает впечатление храма⁶⁷.

Надо думать, что первоначально, как в других подобных случаях (иконы «Свт. Никола Великорецкий», «Богоматерь Курская Коренная» и другие), рамы с житием не было. Обычно рама появляется, когда икона широко прославилась. Важно, что структура чудотворного хергозерского образа (средник и рама с клеймами) воспроизводилась в иконах региона.

Исключительная популярность святого, а также житие преп. Макария, не слишком богатое информацией, со временем вызвали к жизни немало легенд, в XIX веке прочно вошедших в церковную и краеведческую литературу.

В одной из поздних редакций жития преп. Макария имеется сообщение, что он знал преп. Григория Пельшемского, постриг его в иноческий чин, имея уже к тому времени игуменский, был его наставником. Скорее всего, это не соответствует действительности. В древнейшей редакции Жития преп. Макария этот сюжет отсутствует, а появляется только в редакциях второй половины XVII века под влиянием жития Григория. Преп. Григорий был современником Макария. Места его служения были в Ростовской епархии. В 1426 году он основал на реке Пельшме общежительный во имя Собора Богоматери монастырь, где и прожил до своей смерти⁶⁸. Григорий Пельшемский почитался учеником преп. Дионисия Глушицкого. Житие святого, составленное в конце XV – начале XVI века, имело несколько редакций⁶⁹ и сохранилось в немалом числе списков. Оно частично исследовано⁷⁰. В тексте «редакции сборников»⁷¹, сохранившем немало конкретных сведений, юноша принял постриг в Богородицком монастыре в «Галицкой державе» близ озера. Позднее, там же, принял Григорий и священнический сан. В более поздней редакции жития Богородицкая обитель у озера в «Галицкой державе» превращается в Троицкий монастырь у Желтоводского озера, очень далеко отстоящий от Галича, а непоименованный архимандрит становится преп. Макарием. Возможно, что некоторые параллели в житиях Макария и Григория связали этих двух подвижников в представлениях древнерусских монастырских книжников, вследствие чего и были внесены дополнения в их жития. Одна из редакций жития Григория получила наименование «минейной», так как встречается, помимо, Великих Четых Миней, во многих минейных сборниках⁷². Знаменательно, что еще не причисленный к лику святых Макарий представлен в этой официальной редакции как опытный духовный наставник будущего святого (преп. Григорий канонизирован в 1549 году).

К одной из поздних легенд относится предание, что преп. Макарий был знаком и с преп. Тихоном Лухским⁷³. Это явный исторический анахронизм, так как годы жизни преп. Тихона Лухского исключают подобную возможность – преп. Тихон приехал в Россию из Литвы вместе с правнуком Ольгерда князем Ф.И. Бельским лишь в 1482 году. Скончался преп. Тихон в 1503 году⁷⁴.

Еще несколько легенд возникло в связи с основанием некоторых обителей в нижегородских и костромских землях. Так, преп. Макарию приписывалось основание близ Решмы Юрьевецкого уезда церкви во имя Богоявления Господня⁷⁵, а также монастыря «Макарий Пурех» в Балахнинском уезде на Волге и Макарьевой Свяжской подгородней пустыни. Оба монастыря возникли значительно позднее, в XVII веке⁷⁶.

Примечания

¹Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1982. С. 324; Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 291–293 (статья Н.В. Поньрко).

²Списки жития преп. Макария из РГБ (Ф. 310, № 332, 333) датируются

XVI–XVII вв. Рукопись Ф. 310, № 332 можно датировать (по филиграням) последней третью XVI в.; № 333 (по филиграням) относится к концу XVI – началу XVII в.

³Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 292. Далее – Словарь книжников. 1988.

⁴Ерофеев Д.Р. Редакции жития Макария Желтоводского и Унженского // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. СПб., 2001. Вып. 4. С. 60–61.

⁵ИРЛИ. Древнелехранилище. Кол. Евсева. № 1; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1184; РНБ Общество любителей древней письменности. Q 516.

⁶РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304, 332. Л. 41 об.

⁷Там же. Л. 40 об.

⁸Федор Супонев служит в 1528–1529 гг. в Чухломе (с. 207, 213), в 1537 и 1540 гг. в Галиче (с. 270, 282). См.: *Разрядные книги 1977*. Т. 1. Ч. 2. С. 207, 213, 270, 282.

⁹РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304. 332. Л. 49 об.

¹⁰Голубинский Е.Е. История канонизации русских святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 274. Известно, что нередко, в первые годы после смерти, порой задолго до канонизации, на гробах чтимых подвижников ставились их иконы, а агиографические сочинения и богослужебные тексты создавались позднее (Баканова Е. Реликвии у истоков культа святых / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М., 2003. С. 33). Хотя бывало, что у раков уже прославленных святых не было их изображений. У гробниц преп. Саввы Крыпецкого в 1584–1587 гг., преп. Ферапонта Можайского в Лужецком монастыре в 1596–1598 гг., свт. Иоанна Новгородского и кн. Владимира Ярославича в 1617 г. не было икон. См.: Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М., 2003. С. 544.

¹¹См.: *Разрядные книги*. 1977. Т. 1. Ч. 3. С. 349, 397, 400. В 1554 г. дьяк Иван Выродков служит в Астрахани, затем идет в литовский поход «с ногайскими людьми». В 1567 г. он ставит город «на Наровском устье у моря» (Ч. 3. С. 66).

¹²*Разрядные книги*. 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 286, 511.

¹³Херсонский И.К. *Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии*. Кострома, 1888. Вып. 1. С. 5–6. По описи монастыря 1613 г. приделы Флора и Лавра и Макария находились при Троицком храме, который во вкладной записи не упомянут, но, возможно, в тот год он был закрыт (требовал ремонта?). В 1601 г., по разрешению патриарха Иова, при строителе Давиде Хвостове в монастыре возводится новый теплый Троицкий храм.

¹⁴Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Опись не опубликована.

¹⁵Там же. Л. 233.

¹⁶Об убранстве Унженского монастыря по описям 1613 и 1624 гг. см.: Тарасенко Л.П. Реконструкция убранства храмов Макарьево-Унженского монастыря по древнейшим описям обители // *Светочъ. Альманах*. Кострома, 2008. Выпуск 3. С. 83–89.

¹⁷ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 233 об.

¹⁸Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М. 2003. С. 536–538.

¹⁹ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 234.

²⁰Там же.

²¹Покров – один из важнейших элементов убранства гробницы. См.: Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба в Древней Руси // *Иеротопия. Исследование сакральных пространств*. М., 2004. С. 147–148; Маясова Н.А. Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье (К вопросу об иконографии) // *Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* СПб., 1998. С. 40–53.

²²«Пелена камка таусинная (лиловая. – Л.Т.), а на ней вышит образ преподобного чудотворца Макария, а венец шит золотом, а кругом венца веревочка жемчужная, а по краям камка голубая, шит тропарь серебром» ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 235.

²³ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 238 об.

²⁴Андрей Клешнин, принявший постриг с именем Левкия, умер в 1599 г. будучи монахом Пафнутьево-Боровского монастыря.

²⁵Строев П.М. *Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви*. СПб., 1877. С. 610.

²⁶Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологическою комиссиею. Т. I. М., 1848. С. 28.

²⁷Ср.: *Словарь книжников*. 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 291.

²⁸В Галиче, после разорения Лисовским, когда был сожжен Спасо-Преображенский собор, строится новый собор, где были приделы преп. Макария, а так же Михаила Малеина. См.: Беляев И. *Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии*. СПб., 1863. С. 67. В церкви Космы и Дамиана аналогичный придел зафиксирован уже в начале XVII в. См.: Крживоблоцкий. *Материалы для географии и статистики Костромской губернии*. СПб., 1861. С. 8.

²⁹Зверинский В.В. *Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II*. СПб., 1897. С. 91. № 1727.

³⁰Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО). Ф. 2636. Оп. 2. № 1. Л. 66.

³¹Макарий, архим. *Памятники церковных древностей*. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 103.

³²Там же. С. 96–97.

³³Село Пурех называлось уже в начале XVII в. Макарьевскою полуслободкою, из чего можно предположить, что здесь ранее была Макарьевская церковь.

³⁴Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологическою комиссиею. Т. I. М., 1848. С. 27.

³⁵Антонов В.А. *Разрядная книга XVII века в Историческом музее г. Владимира*

// Материалы исследований. Владимир, 2003. С. 18–19.

³⁶Благоверный князь Александр Невский стал почитаться практически сразу после смерти; но канонизирован к общерусскому почитанию был в середине XVI в. Преп. Авраамий Галичский скончался в 1375 г. Как предполагает Е. Голубинский, ему стали праздновать в 1553 г., тогда же стали писать и его иконы. Общецерковная канонизация – 1619 г. Преп. Александр Ошевенский (ум. 1479 г.) начал почитаться в монастыре сразу после смерти, вскоре после кончины было написано житие и созданы иконы. Между 1576 и 1581 гг. было установлено местное празднование, тогда же составлена служба.

³⁷Тарабарина Ю.В. Победа над королевичем Владиславом 1 октября 1618 г. и мемориальное храмостроительство 1620-х гг. // Сакральная топография средневекового города: Известия Института христианской культуры и средневековья. М., 1998. Т. 1. С. 100.

³⁸ПСРЛ. М. 1965. Т. 14. С. 89.

³⁹Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической комиссией. Т. I. М. 1848. С. 28.

⁴⁰ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 201–221. Описание не опубликовано.

⁴¹ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 206–206 об.

⁴²Рындина А.В. Классифицирующие тенденции в Московском ювелирном искусстве последней четверти XVI – первых десятилетий XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл / отв. ред. А.Л. Баталов. М., 1993. С. 158–160.

⁴³Сорокатый В.М. Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 413–415.

⁴⁴Исторические сведения, относящиеся к истории города Солигалича // Московитянин. 1842. Ч. II. № 3. С. 262.

⁴⁵В Подлиннике из коллекции Бобкова (ИРЛИ) указан день празднования не 25 июля (представление преп. Макария Желтоводского и Унженского), а 19 января.

⁴⁶ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 209–210.

⁴⁷Ширяков И.В. Монеты-привески к иконам в храмах допетровской Руси // Нумизматика. Научно-популярный журнал. М., 2003. № 2. С. 12–19; Глазунова Е.В., Ширяков И.В. Русские монеты XIV–XV вв. с признаками внеэкономического использования (по материалам собрания ГИМ) // Нумизматический сборник. М., 2008. Т. XVIII. С. 124.

⁴⁸Спасский И.Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1979. С. 124.

⁴⁹Приношу благодарность заведующему Отделом нумизматики ГИМ И.В. Ширякову, обратившему мое внимание на эту монету.

⁵⁰Потин В.М. Корабельники на Руси // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. М.,

1970. С. 105.

⁵¹ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 210 об.

⁵²ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 211.

⁵³ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 219.

⁵⁴ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 211.

⁵⁵Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям ладанных книг (опыт справочника-указателя) // Сакральная топография Средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья. М., 1998. Т. 1. С. 165.

⁵⁶Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. сост. Ковалева Л.А., Кивокурцева О.Ю., Кострома, 2004. С. 281.

⁵⁷ЖМВД. 1831. № 4–6. Ч. V. С. 165–171.

⁵⁸Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 66.

⁵⁹Голубинский Е.Е. История канонизации русских святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 422.

⁶⁰Там же. С. 423.

⁶¹Там же. С. 426.

⁶²ОР РНБ. Колобов. Ф. 359. № 294. Сборник житий, слов, поучений. Первая треть XVII в. Л. 9 об.

⁶³Тарасенко Л.П. «Сказание о чудесех чудотворного образа преп. Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерской пустыни обретаемой» // Искусство Древней Руси и Византии. М., 2002. С. 86; Пигин А.В. Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 268.

⁶⁴Пигин А.В. Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 268.

⁶⁵Мелехова Г.Н., Носова В.В. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. II. С. 123.

⁶⁶Кипреев А., свящ. Чудотворная икона Преподобного Отца нашего Макария Унженского и Желтоводского чудотворца, находящаяся в Хергозерском приходе Каргопольского уезда // Олонецкие Епархиальные ведомости. № 33. 1910. С. 687–689.

⁶⁷Икона «Преп. Нил Столобенский». Середина XIX в. ГРМ. ДРЖ. Б-472. Опубликована: Русские монастыри 1997. С. 149.

⁶⁸В разных изданиях указаны разные годы смерти святого.

⁶⁹Словарь книжников. М., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 254–257.

⁷⁰Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / под ред. А.С. Герда, сост.: Азарова И.В., Алексеева Е.А., Захарова Л.А., Лемешев К.Н. СПб., 2003. Исследование: С. 48–68; текст: С. 149–180. (Далее: Жития 2003).

⁷¹Жития 2003. С. 51.

⁷²Жития 2003. С. 50.

⁷³В 1569 г. были обретены мощи преп. Тихона Лухского, канонизация святого относится к 1570 г. См.: Илинский 1898. С. 18.

⁷⁴Описание Николаевского Луховского Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря, составленное из подлинных монастырских бумаг в 1836 г. М., 1836. С. 1–3. Годы смерти преп. Тихона Лухского и обретения мощей в различных изданиях разные. Так, в “Словаре историческом о русских ... святых” (репринт. изд.: М., 1991. С. 229) приводятся следующие данные: год смерти – 1492, обретения мощей – 1565.

⁷⁵Макарий, иеромонах. Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца. М., 1851. С. 29.

⁷⁶Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 246–247.

Д.В. Тормосов
(г. Каргополь)

Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя

Опыт работы по сохранению историко-культурного наследия был приобретен автором статьи в начале 2000 годов, в период работы в Кенозерском национальном парке. Я был участником нескольких проектов по сохранению наследия и управлению культурными ландшафтами, в том числе, в рамках Российско-Норвежского сотрудничества. Параллельно занимался изучением традиционной системы сельского расселения Кенозерья и Лекшмозерья, научными исследованиями в области исторической географии территорий Каргополя и Онежского Поморья – двух составных частей Поонежья. Уже в то время вопрос комплексного сохранения культурного наследия был одним из самых актуальных. В Кенозерском национальном парке данный аспект определяет сама территория – реликтовый культурный ландшафт, специфическая локальная традиция, выраженная в укладе жизни людей, наследии из сплава нескольких культур – славянской и финноугорской. Разнообразие, уникальность расположения и пространственного взаимодействия сохранившихся объектов – часовен, «святых рощ», поклонных крестов, церквей и объектов традиционной гражданской застройки, инженерных и гидротехнических сооружений, сакральных мест, диктовало особое отношение, где исключительно важен был комплексный подход к сохранению и поддержанию различных составляющих культурного и природного наследия. Посетители Парка нередко задавали вопрос: «Кенозерье и Лекшмозерье находятся на территории двух разных административных районов и по-своему уникальны. Почему две разные территории объединены и охраняются в целом, как национальный парк»? Ответ напрашивался следующий – это единая территория. Кенозерье и Лекшмозерье имеют общую историко-географическую специфику. По-сути – это единый уникальный район в составе исторического Каргополя, реликтовый культурный ландшафт Озерного края.

Вопрос более широкого «историко-географического единства» встал естественным образом, когда в Каргопольском, Плесецком, Няндомском и Коношском районах стали организовываться общественные музеи, что явилось показателем интереса местных жителей к своим историческим корням. Работая с информацией по системе сельского расселения разных «микрорегионов» Каргополя, я всегда упоминал о том, что данная небольшая территория – его составная часть. Воспринималось это по-разному. Однажды столкнулся с замечанием: «Какого такого Каргополя? Нам исследователь из Москвы сказал, что именно наш маленький уголок – родоначальник традиционной культуры Русского Севера, собранные у нас пояски, кокошники, прялки являются образцом для других территорий». Возразить было нечего. Оставалось

© Тормосов Д.В., 2012